

УДК 81

UDC

DOI: 10.17223/18572685/66/9

Славянские языки перед лицом *challenges*: семантическая и словообразовательная история слов *вызов* и *wyzwanie* (на материале русского и польского языков)

М.Б. Ташлыкова¹, Е.В. Стародворская^{1, 2}

¹ Иркутский государственный университет
Россия, 664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1
E-mail: taschlykoff@mail.ru

² Университет им. Адама Мицкевича в Познани
Польша, 61-712, г. Познань, ул. Венявского, 1
E-mail: ekasta@amu.edu.pl

Авторское резюме

Рассматривается семантическая история группы слов близкородственных языков (рус. *вызвать*, *вызов*, пол. *wyzywać*, *wyzwanie*, *wezwać*, *wezwanie*), связанных друг с другом генетически, но по-разному реализующих похожие значения, а также особенности воплощения этими единицами смысла, который часто описывается как результат семантического калькирования одного из значений английского слова *challenge*. Авторы демонстрируют, что новый тип употребления существительного *вызов* вполне логично и последовательно встраивается в его семантическую историю. Благоприятная почва для нового смысла непосредственно подготовлена «агональным» значением глагола *вызвать*, предполагающим наличие в актантной структуре глагола и отглагольного существительного в позиции контрагента. При этом новое значение существительного *вызов* встречается преимущественно в контекстах, связанных с глобальными силами, несущими угрозу стабильному существованию мира. Блоки смыслов, реализуемые единицами *вызвать* и *вызов*, распределяются между двумя польскими глаголами – *wezwać* и *wyzywać* – и существительным *wyzwanie*. Хотя калькируемое значение представляет собой новшество и для польской семантической системы, польский герундий, как кажется, точнее, чем русское существительное, воплощает идею, стоящую за английским *challenge*, о чём, в частности, свидетельствует намного более свободная сочетаемость польской лексики (она чаще используется в контекстах, связанных с повседневной активностью). В этом случае мы имеем дело с идеальным результатом семантического калькирования.

Ключевые слова: nomina actionis, польский язык, русский язык, семантическое калькирование.

Slavic languages in the face of *challenges*: semantic and derivational history of *vyzov* and *wyzwanie* (based on Russian and Polish languages)

M.B. Tashlykova¹, E.V. Starodvorskaia^{1,2}

¹ Irkutsk State University

1 Karl Marx Street, Irkutsk, 66400, Russia

E-mail: taschlykoff@mail.ru

² Adam Mickiewicz University in Poznań

1 Wieniawskiego Street, Poznań, 61-712, Poland

E-mail: ekasta@amu.edu.pl

Abstract

The article deals with the semantic history of the group of lexical units in closely related languages (Rus. *vyzvat'*, *vyzov*, Pol. *wyzwać*, *wyzwanie*, *wezwać*, *wezwanie*). Despite etymological relationship between these words, they distribute and embody the same meanings differently. Among other things, this concerns the representation of the sense that has been described as a result of semantic calquing of the Eng. *challenge*. It is shown that the latest tendency of the use of *vyzov* is not entirely new and continues, in a logical and consistent way, semantic history of the word. A fertile ground for its new sense has been provided by the “competitive” meaning of *vyzvat'*, which requires the semantic role of “counterpart” within argument structure of the verb. That said, however, the new meaning of *vyzov* is generally found in contexts related to global forces that threaten the stability of the world. The pieces of conceptual structure that are embodied by Russian *vyzvat'* and *vyzov* are distributed between two Polish verbs (*wezwać* and *wyzwać*) and the noun *wyzwanie*. The meaning in question (that one loaned from English), despite its novelty, seems to be conveyed by Polish deverbal noun more accurately than by its Russian equivalent. This is evidenced by its use in more diverse contexts including speaking of everyday activities. All things considered, it appears that in this case the Polish semantic system offers the perfect example of semantic calquing and that the explication of the calqued meaning in Russian requires more caution.

Keywords: nomina actionis, Polish language, Russian language, semantic calquing.

Введение

Непосредственным поводом для написания статьи стало употребление в названии конференции «Славянские языки в условиях современных **вызовов**» (здесь и далее выделено нами. – М.Т., Е.С.) отглагольного существительного, которое неоднократно описывалось как результат калькирования русской лексико-семантической системой одного из значений английского *challenge* (см., в частности, [2; 12; 18]).

Первые употребления такого типа относятся к началу 2000-х гг., ср.: *Стратегический ответ России на **вызовы и угрозы** нового века требует качественно нового подхода к анализу и прогнозированию развития экономики* («Время МН». 2003); *Среди первых в перечне новых **угроз и вызовов** стоит процесс распространения ядерного и другого оружия массового уничтожения* («Воздушно-космическая оборона», 2002); *Подобный позитивный опыт особенно важен в нынешних условиях, когда мы совместно противостоям глобальным **вызовам и угрозам** – терроризму, экстремизму, наркоторговле* («Дипломатический вестник». 2004).

И.Б. Левонтина в статье «Заимствования в современном русском языке и динамика русской языковой картины мира» неоднократно подчёркивает совершенную чуждость этого значения для русского языка и в то же время его способность естественно встроиться в семантическую систему: «Вот слово *вызов* жило себе и столько лет абсолютно не собиралось калькировать данное значение слова *challenge*. Но вдруг собралось, и значение это моментально прижилось. **Просто раньше оно не было нужно, а теперь понадобилось... Раньше так не говорили и этого не говорили никак, потому что этого не думали.** Как сказано у Цветаевой, “даже смысла такого нет!”» [2: 551].

Насколько справедлив последний вывод? Действительно ли рассматриваемое значение характеризуется абсолютной новизной для русского языкового сознания? Нельзя ли обнаружить в семантической и словообразовательной истории слова *вызов* этапы, подготовившие почву для освоения нового смысла? Как должна выглядеть его экспликация (заметим, что И.Б. Левонтина не предлагает никакого толкования¹)? Так ли моментально прижилось это новое значение, и насколько свободно оно функционирует? В какой степени, наконец, описываемое значение, воплощаемое в особом типе употреблений, уникально на карте славянских языков, и возможно ли обнаружить на этой карте реализацию похожего механизма? Попытка ответить на эти вопросы составляет основную цель настоящей работы.

Фоном для описания механизма семантического развития русского *вызов* в рамках данной статьи станут польские единицы *wyzwanie* и

wezwanie, распределившие между собой набор смыслов, реализуемых русским словом.

Материал анализа извлечен из Национального корпуса русского языка² (НКРЯ) и Национального корпуса польского языка³ (далее – NKJP), а кроме того, включает примеры, обнаруженные при помощи поиска в информационно-поисковой системе Google (<https://www.google.com>). Этот материал представляет собой примеры контекстного употребления русского слова *вызов* и польского слова *wyzwanie*, а также некоторых других лексических единиц, непосредственно или опосредованно связанных с ними словообразовательными отношениями (*вызвать*, *вызывать*, *вызывающий*, *воззвание*, *wyzwać*, *wezwać*, *wezwanie* и пр.).

Таким образом, классический структурно-семантический анализ глагольных и именных лексем с учётом их формальных и содержательных связей опирается на корпусные данные. Этот учёт позволяет обеспечить полноту и объективность выводов.

Предыстория

Общая история описываемых единиц начинается с праславянского глагола индоевропейского происхождения **zъvati* (ср. [11: 85]), а также префиксов **у-* и **въ-*, которые, вероятно, уже в период существования самостоятельных славянских языков используются для образования глаголов, где приставка сохраняет только опосредованную связь с исходным пространственным значением (ср. [14: 746]). Префиксы в чисто пространственных значениях могли присоединяться к глаголам уже в праславянский период, однако и сами эти глаголы обозначали в первую очередь перемещение, расположение или, во всяком случае, деятельность, осуществляемую в физическом пространстве (см., напр., [5: 9]).

«Первичными значениями были пространственные, чувственно воспринимаемые, но одновременно в них уже формировались абстрактные идеи, семантические “образы” этих приставок, которые делали возможным перенесение этой прототипической семантики на другие, более абстрактные классы действий, отношений и состояний. Эта прототипическая семантика приставок, как правило, сохраняется в виде семантического компонента в многочисленных непространственных приставочных глаголах: <...> *отжить* – “отдельность” субъекта от действия вследствие невозможности его продолжения, *прожить* – направленность процесса вперед, сквозь временной промежуток, *выжить* – результативность, сохраняющая, на наш взгляд, несколько стёртый образ движения изнутри наружу, извлечения» [9: 75].

Отметим, что смысл, связанный с движением наружу, выходом из обжитого и комфортного пространства (правда, в большинстве случаев уже не субъекта соответствующего действия, а его объекта или адресата), будет сопровождать и большинство современных значений глаголов *вызвать* и *wyzwać*, а также образованных от них *nomina actionis*. В этом «воспоминании» об исходном пространственном значении приставки нет ничего удивительного: между изначальным смыслом префикса, связанным с взаимным физическим расположением объектов, и его производными значениями существует естественная связь (см., напр., [1; 8]).

Вызвать

Синтаксический дериват *вызов* естественным образом наследует семантические свойства производящего глагола *вызвать*, а потому невозможно обойтись без описания его семантической структуры (её более подробный анализ см. в [8]).

Словари современного русского языка выделяют у слова *вызвать* от трёх до семи значений⁴. Сосредоточимся на тех из них, которые непосредственно связаны со смыслом, обсуждаемым в статье (так, нас не будет интересовать значение ‘каузировать процесс или состояние’, поскольку это значение не может быть передано существительным, ср. *вызвать гнев, отчаяние, аварию* → **вызов гнева <отчаяния, аварии>*).

Прототипическая ситуация, называемая глаголом *вызвать*, предполагает двух обязательных участников (*X вызвал Y*), выполняющих разные семантические роли (*X* – это субъект действия, его инициатор; *Y* – объект), но обладающих общим семантическим признаком: оба участника – лица (ср. *начальник вызвал заместителя, директор вызвал родителей* и т. п.).

Основные компоненты базового значения (лексема *вызвать* 1) выглядят следующим образом:

- (а) *Y* отсутствовал в определённом месте в определённое время;
- (б) *X* сделал так, чтобы
- (в) *Y* находился в определённом месте в определённое время.

Семантическая специализация *вызвать* происходит в результате добавления к перечисленным компонентам нового – (г):

- (а) *Y* отсутствовал в определённом месте в определённое время;
- (б) *X* сделал так, чтобы
- (в) *Y* находился в определённом месте в определённое время и
- (г) совершил действие *P* или подвергся действию *P*.

Заметим, что в этом случае валентность *Y* может быть заполнена в т. ч. неодушевлённым существительным: *отец вызвал врача/скорую помощь, жители вызвали пожарных/полицию* и пр.

Ядерная конструкция *Х вызвал Y-а (Y)* расширяется за счёт дополнительных компонентов – в частности, именной группы с предлогом *на* или *в*. Эта предложная группа может указывать на обстоятельства совершения действия: *сантехника вызвали в третью квартиру, отец вызвал врача на дом, сосед вызвал лифт на пятый этаж* и т. п. Информация о том, каково это действие, имплицирована одним из компонентов семантической структуры слова, заполняющего позицию *Y* (*сантехник* ремонтирует оборудование, *врач* лечит, *лифт* поднимает и опускает и т. п.), а потому понимание такого рода формулировок вполне однозначно: сантехника стандартно вызывают не для того, чтобы сыграть с ним в шахматы.

В контекстах, где семантика существительного, называющего *Y*, не содержит информации о характере действия, в которое вовлечен *Y* (ср. *Иванов вызвал Петрова*), эту функцию берёт на себя предложная группа с *на*: *Васильеву вызвали на прослушивание* = чтобы прослушать; *вызвали на примерку платья* = чтобы примерить. Неудивительно, что в этом случае группа включает девербатив с процессуальным значением.

Функциональная нагрузка компонента *Y* тем самым увеличивается: теперь *Y* входит в актантную структуру сразу двух предикатных слов: *Y-а вызвали на опознание* → *Y* = объект действия *вызвать* и субъект действия *опознать*; *Y-а вызвали на вопрос* → *Y* = объект действия *вызвать* и объект действия *допросить*).

Анализ материала показывает, что конструкция *вызвать на P* (*P* – отглагольное имя; глагол и предлог или в непосредственном соседстве, или разделены существительным, заполняющим позицию *Y*) характеризуется сравнительно высокой частотностью (261 вхождение в основном корпусе). Эта конструкция запускает ещё один семантический сдвиг, представленный сочетаниями типа *Х вызвал Y-а на бой <поединок, борьбу, дуэль, соревнование, матч-реванш>*.

Этот тип употреблений существенным образом отличается от описанных выше: он связан со сменой семантической роли *Y* в актантной структуре девербатива. *Y* становится контрагентом, а значит, включается в ситуацию противостояния⁵ в качестве её равноправного участника: *Х* и *Y* как бы обмениваются ударами или подачами как участники боксерского поединка или теннисного матча, и единственное различие между ними состоит в том, что *Х* мыслится как инициатор их взаимодействия.

Несколько огрубляя схему толкования значения, связанного с третьим типом употребления, можно представить в следующем виде:

Х вызывает Y-а на P

(а) *Х* намерен сделать *P*;

- (б) X хочет, чтобы Y сделал P;
- (в) X говорит Y, что он должен сделать P;
- (г) X говорит это, потому что хочет, чтобы Y участвовал в P вместе с ним.

Вызов

Значения производящего глагола и производного процессуального имени не всегда характеризуются абсолютным тождеством, но очевидная семантическая соотносительность между ними имеет место в подавляющем большинстве случаев. Так происходит и в паре *вызвать* → *вызов*, что подтверждается регулярностью трансформаций типа *командир вызвал Петрова – Петров явился по вызову, актрису вызвали на съёмки – актрису обрадовал вызов на съёмки, вызвал соперника на матч-реванш – соперник принял вызов*.

Важно при этом, что только для лексемы *вызвать* Z, называющей ситуацию «противостояния», возможна трансформация, предполагающая симметричное и равноправное положение участников: X бросает вызов Y-у – Y принимает вызов X-а (или отвечает на вызов X-а). «Преобразование X вызывает Y-а на P → X бросает Y-у вызов влечёт за собой грамматическое переподчинение имён: существительное, называющее субъекта-инициатора X-а, передвигается из позиции именительного падежа в позицию родительного (генитива), имя объекта-контрагента Y-а – в позицию дательного. В результате семантическая роль Y-а переосмысливается как роль адресата-контрагента» [10: 90].

Напомним, что участниками прототипической ситуации являются лица, а потому и в «агональных» контекстах позиции X и Y чаще всего заполняются одушевлёнными существительными: *Макгрегор вызвал Хабиба на бой → Макгрегор бросил вызов Хабибу – Хабиб принял вызов Макгрегора*. При этом специфика семантической роли контрагента предполагает, что он вполне может перехватить инициативу у инициатора взаимодействия (ср. *вызов Пушкина Дантесу – вызов Дантеса Пушкину*).

Именно субстантивная транспозиция делает возможной замену одушевлённого участника неодушевлённым в рамках метафорического осмысления ситуаций экзистенциального свойства. В последнем случае *вызов* может быть брошен *стихии, судьбе, смерти, болезни и страху, обществу, морали* и т. п.⁶ Участники, как мы выяснили, равноправны, а значит, неодушевлённой, стихийной силе Y, противостоящей субъекту X, вполне может быть приписана инициатива, сознательное намерение проверить X-а на прочность. Такого рода концептуализация явления, стоящего за абстрактным существительным, становится

когнитивным основанием для появления выражений вроде *вызов будущего*⁷. Представим ряд примеров, иллюстрирующих описанный тип употреблений:

*Что это – дань прошлому или **вызов будущему**? ↔ Но инициативы центра, которые должны ответить на новый **вызов ближайшего будущего**, держатся в секрете.*

*Как и Вальсингам, он нарушает общепринятые моральные нормы и смело бросает **вызов смерти**. ↔ Метод анализа экзистенциальных стратегий для автора – это попытка выстроить картину архитектурного творчества как ряд ответов на **вызов смерти**.*

*Вдохновившись космическими планами отца, он бросил **вызов судьбе** ↔ Что ж, и они свой долг исполнили, ответили по-солдатски на **вызов судьбы**...*

*Так, пламенея мыслью, Прохор бросил в огненной запальчивости гордый **вызов миру**. ↔ Так и сейчас мир непосилен для человеческого ума, так и сейчас **вызов мира** нестерпим...*

Итак, исходная ситуация, связанная с межличностным взаимодействием, представляет собой источник осмысления такого положения вещей, в котором действуют абстрактные сущности, стихийные силы. Как кажется, именно способность соотноситься с ситуациями последнего типа формирует предпосылки для естественной имплементации значения английского *challenge* в семантическую структуру русского *вызов*.

Таким образом, «логика семантического развития, наличие необходимой грамматической упаковки (способность формы генитива выражать субъектное значение) и функциональная специфика русского существительного *вызов* создали максимально благоприятные условия для калькирования значения английского субстантива» [10: 94]. Важно при этом отметить, что благоприятность этих условий может быть разной в зависимости от сферы функционирования и содержания тех текстов, в которых встречается существительное *вызов*^{ch}. В некоторых контекстах эта единица чувствует себя настолько комфортно, что начинает освобождаться от конструктивных ограничений, навязываемых её морфологической природой.

Так, в общественно-политическом дискурсе, в языке дипломатии форма единственного числа существительного начинает существенно уступать по количеству употреблений форме множественного числа, воплощающей диалектическое единство процессов абстрагирования и конкретизации и осложнённой коннотациями «отчуждения».

С одной стороны, отрываясь от семантики межличностного взаимодействия и передвигаясь в позицию абсолютного употребления, *вызов* всё сильнее сдвигается по шкале 'конкретное – абстрактное'

к правому её полюсу. С другой стороны, форма *вызовы* не может не испытывать давления системы, которая навязывает таким единицам особую семантику – ‘единичные проявления процессов и состояний’ (см. *обман* – *обманы*, *печаль* – *печали* и т. п.) [6: 462].

В рамках этого же типа дискурса возникают и приобретают статус устойчивых обороты *вызовы и угрозы/угрозы и вызовы* (в качестве перевода английского *threats and challenges*), и в составе этих оборотов окончательно оформляется тенденция к использованию анализируемого существительного во множественном числе – с возможностью актуализации всех составляющих его семантического потенциала: *поиск ответов на новые вызовы и угрозы, борьба с новыми вызовами и угрозами, стратегический ответ России на вызовы и угрозы нового века, гибко реагировать на многочисленные старые и новые угрозы и вызовы, поиск ответов на угрозы и вызовы XXI века* и т. д.

Следует отметить, что и в составе названных оборотов, и в самостоятельном плюральном употреблении *вызовы* связываются с проблемами глобального характера: защитой государственных интересов, обеспечением международной и национальной безопасности, состоянием мировой экологии. Иногда, как мы можем наблюдать в названии конференции, источником *вызовов* является современность в целом.

На основании проведённого анализа можно утверждать, что «семантическая почва» для появления нового значения в смысловой структуре слова *вызов* была вполне подготовлена за счёт **внутренних** ресурсов русского языка. **Внешний** фактор – знакомство с существительным *challenge*, которое произошло в связи с изменившейся общественно-политической ситуацией и увеличением числа людей, владеющих английским языком, – послужил стимулом для встраивания нового смысла в семантическую систему русского языка.

Важно при этом помнить, что концепты, обозначенные лексемами *вызов*^{ch} и *challenge*, не тождественны – они различаются коннотативными свойствами: «Слово *challenge* описывает, в частности, следующую ситуацию. Человек берётся за выполнение какой-то трудной задачи, на пределе или даже за пределами своих профессиональных или иных возможностей, и трудность задачи подстёгивает его, заставляет превзойти самого себя. Восхитительна эмоциональная тональность этого слова: оно выражает эдакий весёлый азарт и вкус к жизни» [2: 550]. *Вызов* так же, как *challenge*, описывает положение дел, требующее высокой концентрации сил и (или) материальных ресурсов, однако это положение дел находится за пределами повседневной жизни отдельного человека⁸; оно связано с глобальными явлениями и оценивается говорящим как негативное или нарушающее нормальный ход вещей, как содержащее в себе угрозу стабильности.

Указанное различие, как кажется, соотносится с теми представлениями, которые стоят за разными языковыми картинами мира.

Wyzwać и wezwać

Невозможность ограничить круг рассматриваемых польских единиц когнатом описанного выше русского глагола и его синтаксическим дериватом *wyzwanie* связана с тем, что блоки смыслов, реализуемые русским глаголом *вызвать*, распределяются между двумя польскими глаголами – *wyzwać* и *wezwać* (этот последний, в свою очередь, исторически соотносится с русским *воззвать*).

Те смыслы, которые в русском языке подготавливают появление агонального значения *вызвать*, реализуются польским глаголом *wezwać*: 1) 'zawiadomić kogoś, polecić komuś, by przybył, by się stawiał gdzieś, przed kimś; przywołać, przyzwać'; 2) 'zawiadomić policję, straż pożarną, pogotowie ratunkowe o konieczności natychmiastowej interwencji tych służb w jakimś miejscu; zaalarmować'⁹. Первое значение, как и первый тип употребления глагола *вызвать*, не предполагает импликации типичных действий адресата (ср. *Po bitwie stalingradzkiej wezwał do siebie oficerów* 'после битвы под Сталинградом он вызвал к себе офицеров'), а второе, хотя и сформулировано максимально узко (а именно исчерпывающим образом перечислены возможные объекты вызова: полиция, пожарная охрана, скорая помощь), в реальном употреблении сближается со вторым значением русского глагола: примеры, извлечённые из NKJP, демонстрируют, что по-польски вполне можно вызвать сантехника или машину, ср.: *Gdy cieknie kran najłatwiej wezwać hydraulika; Może poprowadzą Gąsiora właśnie tam i wezwą samochód* (упоминание полиции и пр. в словарной дефиниции связано, конечно, с неразличением собственно значения и сочетаемости). Примечательно, что глагол *wyzwać* не реализует названные смыслы; любопытен здесь комментарий исследователя дневников Ванды Василевской, в котором *wyzwać* в контексте *Jeżeli wyzwali mnie do defy, to Janka czekała w kawiarence* 'если меня вызывали в контрразведку, Янка ждала в кафе' характеризуется как русизм [15: 163]¹⁰.

Стоит отметить, что третье значение *wezwać* – 'zwrócić się do kogoś z apelem o coś; zaapelować' – сближается со значением русского *воззвать* (или *призвать*) и не предполагает расширения в сторону ситуации, включающей контрагента: можно *wezwać do walki, do czynu, do pracy, do ofiarności* ('призвать к борьбе, к действию, к работе', 'воззвать к жертвенности').

Существительное *wezwanie*, в свою очередь, кроме собственно предикативного значения, унаследованного от глагола совершенного вида и предполагающего некоторую результативность, реализует

смыслы, в русском языке распределённые между *воззванием* и *вызовом* (эти значения не рассматривались выше в силу их очевидной предметности): 1) 'apel, odezwa'; 2) 'pismo urzędowe nakazujące stawić się gdzieś, zapłacić jakąś należność, dopełnić jakieś formalności itp.; nakaz'.

Глагол *wyzwać*, кроме не слишком интересующего нас смысла 'обругать', используется в том значении, которое связано с наличием контрагента: 'zmusić (zmuszać) kogoś do wzięcia udziału w walce, grze, pojedyńku itp.'. Следует при этом отметить, что конструкция *wyzwać na P* используется вполне активно (713 контекстов в NKJP, включая поисковый шум, с минимальным расстоянием между единицами), конструкция *wyzwać do P* – несколько реже (346).

Wyzwanie

Статус отглагольных имён типа *wyzwanie* описывается в польских грамматиках по-разному; они могут рассматриваться как результат словообразовательной операции, но чаще единицы такого рода характеризуются как т. н. *odśłowniki* – «осубстантивленные» глаголы, «существительные формы глагола», формы герундия: «*Słownik języka polskiego* pod red. W. Doroszewskiego stosuje tu rozwiązanie połowiczne: raz odnotowuje konstrukcje z *-nie*, *-cie* jako "rzeczownikową formę czasownika" (подчёркнула: *czasownika!*); gdy taka forma ma pewne ustabilizowane znaczenia przedmiotowe, np. znaczenie obiektu, rezultatu, miejsca itp., rejestrowana jest po raz drugi jako rzeczownik, np. *jedzenie* to nie tylko 'czynność', lecz i 'to, co się je', a więc 'obiekt'» [17: 127].

Имея в виду два полюса аффиксальных значений в языках мира – дериватемы и граммы [3: 271–286] – и наличие т. н. смешанной зоны между этими двумя полюсами (одни и те же аффиксальные значения в разных языковых системах могут оказаться грамматическими или словообразовательными [4: 122]), можно, вероятно, утверждать, что в польском языке, в отличие от русского, образование *nomina actionis* представляет собой скорее регулярное морфологическое явление [16: 199]. Возможно, именно поэтому, как мы увидим позднее, сочетаемость и сферы употребления польского *wyzwanie* шире, чем у его русского эквивалента.

В любом случае очевидно, что образование форм множественного числа имён (или именных форм глагола), которые обозначают чистую процессуальность, по крайней мере затруднено [16: 200]. И, напротив, чем предметнее значение имени, тем более вероятно, что оно будет вести себя как стандартное существительное с полной парадигмой.

Стоит отметить, что в «Универсальном словаре польского языка» уже в 2004 г. фиксируется значение ‘coś, np. trudne zadanie, nowa sytuacja, odważne zachowanie, wymagające od kogoś wysiłku, trudu, poświęcenia itp., pozwalające sprawdzić czyjaś wiedzę, czyjeś umiejętności, czyjaś odporność itp.’ – правда, с пометой *книжное*. Несоответствие этой пометы реальности современного узуса отражается в более поздних версиях словаря (например, в его интернет-версии), где она опущена. Как и о русском *вызове*, об этой лексеме говорят как о семантической кальке. Процитируем в подтверждение интервью с Анной Вежбицкой: «Na przykład w Polsce ciągle słyszę jak ludzie mówią: “to jest prawdziwe wyzwanie” albo “nowe wyzwanie”. Jak byłam młoda, to można było wyzwać kogoś na pojedynek (są pewne wspólne elementy semantyczne), ale nikt nie “stawał przed wyzwaniem”. Dzisiejsze znaczenie tego słowa jest bezpośrednią kalką z angielskiego “challenge”» [13].

Wyzwanie в этом новом значении ведёт себя очень активно и так же активно употребляется в формах множественного числа, причём далеко не только в контекстах, тематически связанных с глобальными проблемами и предполагающих независимость этих проблем от воли конкретного человека: так, в контекстах вроде *Czasem ściga się samochodem, bo lubi prędkość i wyzwania* (‘иногда она участвует в автомобильных гонках, поскольку любит скорость и вызовы’) речь, разумеется, не идёт о цивилизационных вызовах; можно, например, *stawiać/wyznaczać sobie wielkie wyzwania* (и в этом случае возвратное местоимение свидетельствует о совпадении субъекта и контрагента агональной ситуации в одном лице – такое употребление невозможно для русского *вызов*), можно участвовать в *30-dniowych wyzwaniach* (‘30-дневных вызовах’), среди которых будут *wczesne wstawanie* (‘ранний подъем’) и *wyeliminowanie radia i telewizji* (‘отказ от радио и телевидения’).

Если иметь в виду принципиальные сочетаемостные отличия польского существительного от русского, следует отметить, что *вызов*, особенно во множественном числе, естественно сочетается с прилагательными, фиксирующими степень новизны (*новые /современные вызовы*), масштаб событий (*глобальные вызовы*) или максимально абстрактно называющими сферу проявления глобальных проблем (*экономические/геополитические вызовы*). Рядом с польским *wyzwanie* намного свободнее используются прилагательные, представляющие другие лексические подсистемы: *matematyczne wyzwania* (название интернет-квизов и заданий по математике для школьников), *posne wyzwania* (описание ночного бдения, сопровождаемого молитвами), *internetowe wyzwania* (флешмобы, в рамках которых необходимо выполнить какое-либо задание) и пр.

Заключение

Таким образом, польское слово, как кажется, гораздо точнее реализует смысл, заимствованный у английского *challenge*, и намного теснее связано с «весёлым азартом и вкусом жизни», о которых пишет И.Б. Левонтина применительно к оригинальному концепту. Т.М. Шапенко упоминает о специфике польской лексики в связи с особенностями использования заимствованного междометия *yes*: «Szersza analiza obserwowanych sytuacji użycia interiekcji *yes* wykazuje, że w absolutnej ich większości występuje pewnego rodzaju konfrontacja, przeciwstawienie się innej osobie czy też grupie. Rozwój typowej sytuacji przebiega standardowo: **inicjowany jest przez pewnego rodzaju wyzwanie – “challenge”, motywujący do podjęcia pewnego rodzaju czynu – “action”**, co z kolei prowadzi do doświadczania stanu “full-drive” z powodu pokonania strony konfrontującej i udowodnienia jej swojej wyższości» [19: 164].

Неудивительно, что лексема *wyзов^{ch}* не слишком часто обнаруживается в повседневных и неофициальных контекстах – она (особенно в форме множественного числа) скорее тяготеет к научному дискурсу и стилю традиционных медиа. Показательно, например, что количество результатов поиска – с использованием кавычек для точного соответствия – в информационно-поисковой системе Google по запросу *wezwanie Ice Bucket Challenge* (примерно 2 880) более чем в два раза превышает число результатов, полученных по запросу *wyзов Ice Bucket Challenge* (примерно 1 220). Ср. также польский и русский официальные переводы названия американской комедии *Challenge* о сёстрах, участвующих в реалити-шоу и борющихся за главный приз, – *Wyzwanie* и «Мексиканские каникулы» соответственно.

Как представляется, на фоне польского *wyzwanie*, полностью впитавшего смысл английского слова и представляющего собой идеальный случай семантического калькирования, особенно очевидна специфика русского *вызов*, которая в высокой степени опирается на семантику производящего глагола и тесно связана с его актантной структурой.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. При необходимости будем условно обозначать эту лексему *вызов^{ch}*, сохраняя отсылку к английскому слову.

2. URL: <https://ruscorpora.ru/>

3. URL: <http://www.nkjp.uni.lodz.pl/>. Для поиска использовалась поисковая система PELCRA.

4. Все толкования, если это специально не оговаривается, приводятся без указаний на конкретный том и без постраничных ссылок по [7].

5. Идея противостояния содержится и в семантической структуре других членов словообразовательного гнезда. Ср. прилагательное *вызывающий* (*вызывающее поведение, вызывающая манера, вызывающий вид*) и наречие *вызывающе* (*говорить, смотреть, вести себя, одеваться*).

6. Отметим, кстати, что, по данным НКРЯ, исходный глагол практически не употребляется подобным образом.

7. Следует отметить, что функционально-семантическая роль субъекта-контрагента реализуется именами типа *судьба* преимущественно в позиции родительного падежа.

8. Самые «приземлённые» ситуации представлены, например, в следующих, притом крайне редких примерах: *Им придётся покупать сырьё по реальным ценам. Для них это будет вызов; наша промышленность нуждается сейчас именно в вызове, а не в создании дополнительных тепличных условий; Среди основных вызовов – снижение цен на электроэнергию и газ.* Примеры вроде приведённого И.Б. Левонтиной (*И ещё больший вызов – засохшая свекла!* – в рекламе стирального порошка) продолжают, как кажется, оставаться маргинальными.

9. Значения польских лексем здесь и далее приводятся в соответствии с [20].

10. Следует, однако, отметить, что в некоторых руководствах по культуре речи эти польские глаголы характеризуются как паронимы, следовательно, проблемная для носителей языка зона. В НКРП встречаются примеры очевидного смешения этих паронимов: *Być może Tobie pomoże sama zmiana pracy i nowe otoczenie nigdy ponownie nie **wyzwie** na światło dzienne Twojego problemu; Kiedy rozmawialiśmy o tym w październiku, tuż przed wyborami parlamentarnymi, dziwił się Pan, że nie został **wyzwany** do złożenia wyjaśnień.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Вострова Ю.А., Филь Ю.В. Впереди или заранее? О русских и чешских глаголах с приставкой пред- // Русин. 2019. № 56. С. 179–197. DOI: 10.17223/18572685/56/11.

2. Левонтина И.Б. Заимствования в современном русском языке и динамика русской языковой картины мира // Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелёв А.Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2012. С. 550–564.

3. Мельчук И.А. Курс общей морфологии. М.; Вена: Языки русской куль-

туры. Венский славистический альманах. Издательская группа «Прогресс», 1997. Т. 1. 416 с.

4. Плузьян В.А. Общая морфология: Введение в проблематику. М.: Едиториал УРСС, 2003. 384 с.

5. Пятаева Н. К проблеме исследования лексики праславянского языка // *Acta Neophilologica*. 2013. № 15/1. С. 143–154.

6. Русская грамматика / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1982. Т. I. 783 с.

7. Словарь русского языка: в 4 т. 3-е изд., стер. / Гл. ред. А.П. Евгеньева. М.: Русский язык, 1985.

8. Сухорукова Ю.А., Филь Ю.В. Семантика перспективности в русском и других славянских языках (на материале глаголов с приставкой пред-) // *Русин*. 2020. № 62. С. 176–193. DOI: 10.17223/18572685/62/10.

9. Табаченко Л.В. О комплексном подходе к исследованию динамики внутрислоговой префиксации // *Вестник ПСТГУ. III: Филология*. 2011. № 2 (24). С. 72–79.

10. Ташлыкова М.Б. Вызов и угроза: из естественно языка в общественно-политический дискурс – и обратно // *Трансграничные вызовы национальному государству*. СПб.: Интерсоцис, 2015. С. 81–102.

11. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачёва. М.: Прогресс, 1986. Т. 2. 672 с.

12. Шеболева И.Б. К проблеме изучения концепта и его реализаций (на материале концептов «свобода» и «вызов») // *Языковая система и речевая деятельность: лингвокультурологический и прагматический аспекты: материалы Международной научной конференции*. Ростов на/Д., 2007. С. 130–136.

13. Bajer M. *Lingwistyka molekularna. Rozmowa z prof. Anną Wierzbicką, lingwistką, laureatką Nagrody Fundacji na rzecz Nauki Polskiej w roku 2010* // *Forum Akademickie*. 2011. № 3. URL: <https://prenumeruj.forumakademickie.pl/fa/2011/03/lingwistyka-molekularna/> (дата обращения: 10.09.2021).

14. Borys W. *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2008. 863 s.

15. Graczykowska T. Rusycyzmy i sowietyzmy we *Wspomnieniach* Wandy Wasilewskiej // *Linguistica Bidgostiana*. 2007. № 4. S. 158–170.

16. Łaziński M. *Wykłady o aspekcie polskiego czasownika*. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2020. 315 s.

17. Nagórko A. *Zarys gramatyki polskiej*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2007. 332 s.

18. Rivlina A.A. «Threats and challenges»: English-Russian interaction today // *World Englishes*. 2005. Vol. 24. № 4. P. 477–485.

19. Szkapienko T. Angloamerykańskie interiekcje w języku polskim i rosyjskim // *Rozprawy Komisji Językowej ŁTN*. T. LXII. 2016. S. 157–166.

20. *Uniwersalny słownik języka polskiego* PWN. Dysk USB. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2004.

REFERENCES

1. Vostrova, Yu.A. & Fil, Yu.V. (2019) Ahead or before? About Russian and Czech verbs with prefix pred- / před-. *Rusin*. 56. pp. 179–197 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/56/11
2. Levontina, I.B. (2012) Zaimstvovaniya v sovremennom russkom yazyke i dinamika russkoy yazykovoy kartiny mira [Loanwords in modern Russian and dynamics of Russian language picture of the world]. In: Zaliznyak, A.A., Levontina, I.B. & Shmelev, A.D. *Konstanty i peremennye russkoy yazykovoy kartiny mira* [Constants and variables of the Russian language picture of the world]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 550–564.
3. Melchuk, I.A. (1997) *Kurs obshchey morfologii* [The general morphology course]. Vol. 1. Moscow; Vienna: Yazyki russkoy ku'tury; Venskiy slavisticheskiy al'manakh; Progress.
4. Plungyan, V.A. (2003) *Obshchaya morfologiya: Vvedenie v problematiku* [The general morphology: a basic introduction]. Moscow: Editorial URSS.
5. Pyataeva, N.K. (2013) K probleme issledovaniya leksiki praslavyanskogo yazyka [On the problem of the research of Proto-Slavic language vocabulary]. *Acta Neophilologica*. 15/1. pp. 143–154.
6. Shvedova, N.Yu. (ed.) (1982) *Russkaya grammatika* [Russian Grammar]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
7. Evgenieva, A.P. (ed.) (1985) *Slovar' russkogo yazyka* [The Russian Language Dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk.
8. Sukhorukova, Yu.A. & Fil, Yu.V. (2020) Prospective semantics in Russian and other Slavic languages (based on the verbs with prefix pred-). *Rusin*. 62. pp. 176–193 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/62/10
9. Tabachenko, L.V. (2011) On the integrated approach to the study of dynamics of verbal prefixation. *Vestnik PSTGU. III: Filologiya – St. Tikhon's University Review. Series III: Philology*. 2(24). pp. 72–79 (in Russian).
10. Tashlykova, M.B. (2015) 'Vyzov' i 'ugroza': iz estestvennogo yazyka v obshchestvenno-politicheskiy diskurs – i obratno ['Vyzov' and 'ugroza': from everyday language to political discourse – and back]. In: Panarin, S. (ed.) *Transgranichnye vyzovy natsional'nomu gosudarstvu* [Cross-border challenges to the nation state]. St. Petersburg: Intersotsis. pp. 81–102.
11. Fasmer, M. (1986) *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [The Etymological Dictionary of the Russian Language]. Vol. 2. Translated from German by O.N. Trubachev. Moscow: Progress.
12. Shcheboleva, I.B. (2007) K probleme izucheniya kontsepta i ego realizatsii (na materiale kontseptov "svoboda" i "vyzov") [On the study of a concept and its realization (based on concepts "svoboda" and "vyzov")]. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost': lingvokul'turologicheskiy i pragmaticheskiy aspekty* [Language System and Speech Activity: Linguoculturological and Pragmatic Aspects]. Proc. of the International Conference. Rostov-on-Don. pp. 130–136.
13. Bajer, M. (2011) Lingwistyka molekularna. Rozmowa z prof. Anną Wierzbicką, lingwistką, laureatką Nagrody Fundacji na rzecz Nauki Polskiej w roku 2010. *Forum Akademickie*. 3. [Online] Available from: <https://prenumeruj>.

forumakademickie.pl/fa/2011/03/lingwistyka-molekularna/ (Accessed: 10th September 2021).

14. Boryś, W. (2008) *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Kraków: Wydawnictwo Literackie.

15. Graczykowska, T. (2007) Rusycyzmy i sowietyzmy we Wspomnieniach Wandy Wasilewskiej. *Linguistica Bidgostiana*. 4. pp. 158–170.

16. Łaziński, M. (2020) *Wykłady o aspekcie polskiego czasownika*. Warsaw: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego.

17. Nagórko, A. (2007) *Zarys gramatyki polskiej*. Warsaw: Wydawnictwo Naukowe PWN.

18. Rivlina, A.A. (2005) "Threats and challenges": English-Russian interaction today. *World Englishes*. 24(4). pp. 477–485.

19. Szkapienko, T. (2016) Angloamerykańskie interiekcje w języku polskim i rosyjskim. *Rozprawy Komisji Językowej ŁTN*. LXII. pp. 157–166.

20. Dubisz, S. (2004) *Uniwersalny słownik języka polskiego PWN*. USB. Warsaw: Wydawnictwo Naukowe PWN.

Ташлыкова Марина Борисовна – кандидат филологических наук, доцент, директор Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета (Россия).

Marina B. Tashlykova – Irkutsk State University (Russia).

E-mail: taschlykoff@mail.ru

Стародворская Екатерина Вениаминовна – аспирантка Университета им. Адама Мицкевича в Познани (Польша); старший преподаватель кафедры русского языка и общего языкознания Иркутского государственного университета (Россия).

Ekaterina V. Starodvorskaia – Adam Mickiewicz University in Poznań (Poland); Irkutsk State University (Russia).

E-mail: ekasta@amu.edu.pl